Работники литературы, искусства, кинематографии! Создавайте высокоидейные художественные произведения, достойные великого советского народа!

(Из Призывов ЦК ВКП(б) к 1 Мая 1948 года)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 34 (2417) Среда, 28 апреля 1948 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 стр. ПРИЗЫВЫ ЦК ВКП(б) К 1 МАЯ 1948 ГОДА.

2 стр. Первый всесоюзный с'езд советских композиторов. С. Василенко. Создадим музыку, близкую народу. Ц. Солодарь. Музыка и либретто. П. Павленко. Биография одного альманаха.

3 стр. С. Машинский. «Я в мире боец...» А. Твардовский. Письма с Урала. В колхозе «Первое мая». С. Гудзенко. Дорога солдата. Информация.

4 стр. В. Шпарлинский. Средний американец. Ирина Головня. Поэзия опустошенных людей. Информация. В ССП СССР. Первомайский подарок.

ПРИЗЫВЫ ЦК ВКП(б) к 1 Мая 1948 года

1. Да здравствует 1 Мая — день смотра боевых сил трудящихся всех стран!

2. Привет народам, борющимся за победу демократии и социализма!

3. Да здравствует дружба и сотрудничество народов, борющихся за прочный мир!

4. Трудящиеся всех стран! Разоблачайте агрессивные замыслы империалистов—поджигателей новой войны! Стойте на страже дела мира!

5. Трудящиеся всех стран! Сплачивайте силы в борьбе за свою свободу и независимость! Срывайте империалистические планы закабаления и порабощения народов!

6. Да здравствует великий Советский Союз — надежный оплот мира и безопасности, свободы и независимости народов!

7. Слава Советской Армии — Армии освободительнице, с честью отстоявшей свободу и независимость нашей Родины!

8. Воины сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил Советского Союза! Неустанно повышайте свои военные и политические знания, осваивайте опыт Великой Отечественной войны! Совершенствуйте свое боевое мастерство, крепите мощь вооруженных сил Советского государства!

9. Да здравствуют советские пограничники, зорко охраняющие священные рубежи нашей Родины!

10. Слава Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда — лучшим сынам и дочерям нашей великой Родины!

11. Рабочие, крестьяне, интеллигенция Советского Союза! Вперед, к новым победам в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства, за дальнейший под'ем материального благосостояния и культуры советского народа!

12. Трудящиеся Советского Союза! Шире развертывайте социалистическое соревнование за выполнение послевоенной пятилетки в четыре года! Досрочно выполним план третьего решающего года пятилетки по всем видам продукции!

13. Трудящиеся Советского Союза! Боритесь за строжайшую экономию во всех отраслях народного хозяйства, за снижение себестоимости и улучшение качества продукции. Неустанно повышайте производительность труда!

14. Рабочие и работницы, инженеры и техники угольной промышленности! Выше темпы восстановления и строительства шахт! Всемерно увеличивайте добычу угля!

15. Рабочие и работницы, инженеры и техники нефтяной промышленности! Выше темпы добычи и переработки нефти! Быстрее осваивайте новые месторождения! Больше нефтепродуктов для народного хозяйства!

16. Рабочие и работницы, инженеры и техники черной и цветной металлургии! Обеспечим мощный под'ем производства металла! Больше чугуна, стали, проката, цветных металлов народному хозяйству!

17. Рабочие и работницы, инженеры и техники электростанций! Быстрее вводите в действие новые энергетические мощности! Улучшайте снабжение народного хозяйства электроэнергией!

18. Рабочие и работницы, инженеры и техники предприятий машиностроения! Оснащайте передовой техникой народное хозяйство страны! Больше машин для промышленности, транспорта, сельского хозяйства!

19. Рабочие и работницы, инженеры и техники автомобильной и тракторной промышленности! Всемерно увеличивайте производство новых автомобилей! Непрерывно повышайте выпуск тракторов!

20. Рабочие и работницы, инженеры и техники химической промышленности! Увеличивайте производство химических продуктов для народного хозяйства страны!

21. Рабочие и работницы, инженеры и техники судостроительной промышленности! Быстрее стройте новые корабли! Создадим могучий флот советской державы!

22. Рабочие и работницы, инженеры и техники - строители! Выше темпы строительства! Боритесь за механизацию строительных работ! Снижайте себестоимость и улучшайте качество строительства! Быстрее вводите в строй новые предприятия, жилища, культурные учреждения!

23. Рабочие и работницы, инженеры и техники промышленности строительных материалов! Быстрее вводите в действие новые производственные мощности! Больше цемента, кирпича, стекла, кровельных и других материалов стройкам послевоенной пятилетки!

24. Рабочие и работницы, инженеры и техники лесной промышленности! Больше лесоматериалов стройкам, шахтам и железным дорогам!

25. Рабочие и работницы, инженеры и техники текстильной и легкой промышленности! Всемерно увеличивайте производство тканей, одежды, обуви, трикотажа и других товаров для населения! Шире ассортимент и выше качество продукции!

26. Рабочие и работницы, инженеры и техники пищевой, мясо-молочной и рыбной промышленности! Расширяйте производство продуктов питания, улучшайте их качество! Больше сахара, масла, мясо-молочных, рыбных и других продуктов для населения!

27. Работники местной промышленности и промысловой кооперации! Больше товаров из местного сырья! Улучшайте обслуживание бытовых нужд трудящихся!

28. Рабочие и работницы, инженеры и техники городского хозяйства и жилищного строительства! Боритесь за благоустройство городов и рабочих поселков! Повышайте темпы и улучшайте качество жилищного и культурного строительства!

29. Советские железнодорожники! Боритесь за высокие темпы восстановления и строительства железных дорог! Увеличивайте погрузку и ускоряйте оборот вагонов! Улучшайте обслуживание пассажиров!

30. Работники морского и речного флота! Увеличивайте перевозки грузов для народного хозяйства! Ускоряйте оборот судов! Боритесь за образцовое проведение навигации 1948 года!

31. Труженики сельского хозяйства! Все силы на дальнейший под'ем социалистического земледелия и животноводства! Создадим обилие продовольствия для населения и сырья для промышленности!

32. Колхозники и колхозницы, рабочие и работницы МТС и совхозов, крестьяне и крестьянки, специалисты сельского хозяйства! Шире развертывайте работу по образцовому проведению посевной кампании!

33. Слава колхозникам и колхозницам, рабочим и работницам МТС и совхозов, работникам сельского хозяйства — мастерам высоких урожаев, добившимся своим доблестным самоотверженным трудом звания Героя Социалистического Труда!

Слава орденоносцам — передовикам сельского хозяйства!

34. Колхозники и колхозницы, рабочие и работницы МТС и совхозов, специалисты сельского хозяйства! Повышайте культуру социалистического земледелия! Добивайтесь получения высоких урожаев на всей площади колхозов и совхозов! Умножайте ряды передовиков сельского хозяйства, орденоносцев и Героев Социалистического Труда!

35. Колхозники и колхозницы, рабочие и работницы совхозов, зоотехники и ветеринары! Увеличивайте прирост поголовья и всемерно повышайте продуктивность животноводства! Больше молока, масла, мяса и других продуктов для населения!

36. Трактористы, комбайнеры, механики МТС и совхозов! Боритесь за высокую выработку на тракторах и комбайнах! Повышайте качество полевых работ, добивайтесь получения высоких урожаев!

37. Колхозники и колхозницы! Всемерно развивайте общественное хозяйство колхозов, укрепляйте дисциплину труда! Свято соблюдайте Устав сельскохозяйственной артели — основной закон колхозной жизни!

38. Работники советской торговли, кооперации, общественного питания! Всемерно развертывайте культурную советскую торговлю в городе и деревне! Улучшайте обслуживание советского потребителя!

39. Служащие государственных учреждений! Улучшайте работу советского аппарата, укрепляйте государственную дисциплину, чутко относитесь к запросам и нуждам трудящихся!

40. Работники советской науки! Обогащайте науку и технику нашей страны новыми исследованиями, изобретениями и открытиями! Внедряйте достижения науки в производство, обеспечивайте дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства!

41. Работники литературы, искусства, кинематографии! Создавайте высокоидейные художественные произведения, достойные великого советского народа!

42. Учителя и учительницы, работники народного образования! Повышайте качество обучения детей! Воспитывайте нашу молодежь в духе советского патриотизма, беззаветной преданности нашей социалистической Родине!

43. Окружим всенародной заботой инвалидов Отечественной войны и семьи героических советских воинов, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины!

44. Советские профсоюзы! Шире развертывайте социалистическое соревнование за выполнение пятилетки в четыре года! Распространяйте опыт новаторов производства! Проявляйте неустанную заботу о повышении материального и культурного уровня жизни рабочих и служащих!

45. Советские женщины! Боритесь за дальнейший расцвет нашей социалистической Родины! Да здравствуют советские женщины — активные участницы политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны!

46. Советские юноши и девушки! Овладевайте передовой техникой, наукой, культурой! Будьте стойкими и смелыми, готовыми преодолевать любые трудности! Самоотверженно трудитесь на благо нашей Родины!

47. Учащиеся советской школы! Неустанно овладевайте знаниями, готовьтесь стать стойкими борцами за дело Ленина — Сталина!

48. Коммунисты и комсомольцы! Будьте в первых рядах борцов за выполнение пятилетки в четыре года, за новый мощный под'ем хозяйства и культуры нашей Отчизны, за дальнейшее укрепление могущества Советского государства!

49. Да здравствует наша великая Родина — твердыня дружбы и славы народов нашей страны!

50. Да здравствует великая партия большевиков, партия Ленина — Сталина, закаленный в боях авангард советского народа, вдохновитель и организатор наших побед!

51. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед, к победе коммунизма!

Центральный Комитет

Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

Первый всесоюзный с'езд советских композиторов

Три дня длились на с'езде прения по докладам и содокладам. С речами выступили 45 человек, представлявших музыкальную общественность всей страны.

Делегаты, выступавшие в прениях, рассказали, какую огромную роль сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля в развитии советской музыкальной культуры.

— Этот исполненный оптимизма документ, — говорил композитор М. Чулаки,— открывает широкий путь для расцвета творчества многих талантливых композиторов, в том числе и тех, которые шли по ложному пути.

Голос партии нашел живейший отклик в самых широких слоях советского народа. Так, в Казани, по словам Н. Жиганова, одна лишь консерватория устроила 20 лекций, посвященных вопросам, затронутым в постановлении ЦК ВКП(б). Но это не удовлетворило запросов общественности, которая справедливо считает развитие музыкальной культуры своим кровным делом. Тов. Жиганов рассказывает, что перед его выездом в Москву множество людей просили его передать с'езду композиторов требование со всей остротой поставить вопрос борьбы с формализмом в музыке. Советские люди требуют, чтобы с формализмом было навсегда покончено. Они рассчитывают на то, что решения с'езда проложат пути для создания подлинно народной музыки.

Выступивший от имени Главного политического управления Вооруженных Сил майор Тищенко сообщил с'езду о тех ожиданиях, какие связывают солдаты, офицеры и генералы с творчеством композиторов. Они надеются увидеть образ советского воина сталинской эпохи воплощенным на оперной сцене. Они ждут от творцов советской музыки новых армейских песен.

Выступление тов. Тищенко подтверждает тот живой интерес, с каким относятся к судьбам музыкальной культуры широкие слои советского народа. Об этом же говорили в своих выступлениях поэты Е. Долматовский и А. Сурков, призывавшие композиторов к тесному творческому содружеству с писателями.

А. Сурков, как и многие другие участники прений, вновь привлек внимание с'езда к странному поведению тех композиторов, которым прямо адресовано постановление ЦК ВКП(б).

Длительное молчание композиторов, возглавивших формалистические извращения, вызвало протесты не только отдельных участников с'езда. Ленинградская делегация обратилась к ним с коллективным требованием ясно и открыто определить свою позицию в борьбе с формализмом. На это настойчивое и всеобщее требование ответили А. Хачатурян и Д. Шостакович.

А. Хачатурян оценивает свое увлечение формализмом, как плод чуждого, враждебного влияния.

А. Хачатурян заявляет решительный протест против его непрошенных «защитников» из лагеря реакционной зарубежной печати.

— Им невдомек, — говорит он, — что не разброд переживаем мы, советские композиторы, а полное идейное единение, что мы становимся на путь возрождения музыки подлинно народной, подлинно глубокой, полной идейной силы.

Поделившись с делегатами с'езда своими творческими планами, композитор сказал, что он надеется создать такое произведение, которое отвечало бы высоким задачам и назначению советского искусства. К сожалению, А. Хачатурян ничего не сказал о своей деятельности в качестве руководителя Оргкомитета Союза композиторов, которая была отрицательно охарактеризована в постановлении ЦК ВКП(б).

Д. Шостакович заявил, что, как ни тяжело было ему услышать осуждение его творчества партией, он признает правоту постановления ЦК ВКП(б) и видит в нем проявление заботы о творческой судьбе композитора.

— Не искать новые пути мне невозможно, — говорит оратор, — потому что я советский художник, я воспитан в советской стране, я должен искать и хочу найти путь к сердцу народа.

Что касается других композиторов-формалистов, названных в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года, то позиция, занятая ими, не может не вызвать осуждения. В. Шебалин и Г. Попов ограничились присылкой в президиум с'езда письменных заявлений. При этом короткое письмо В. Шебалина носило чисто формальный характер и не обнаружило понимания композитором всей серьезности его заблуждений. С. Прокофьев и Н. Мясковский совершенно игнорировали единодушное требование делегатов с'езда и предпочли молчание откровенному признанию своих ошибок.

Делегат с'езда Д. Кабалевский призвал всех композиторов строго проанализировать свое творчество с позиций, высказанных в постановлении ЦК ВКП(б).

Отвечая зарубежным писакам, которые выступают в защиту формалистов под флагом «свободы творчества», оратор разоблачает истинную подоплеку поднятой ими свистопляски. Их ярость вызвана тем, что советская музыкальная культура стала на путь освобождения от вредных и враждебных извращений.

В речи Д. Кабалевского было явно неправильным предложение отказаться от деления композиторов на «праведных» и «грешных», как сказал оратор, подразумевая под «грешными» формалистов. Нам думается, что наоборот — следует точно определить и назвать носителей формалистического зла и помочь им изжить их заблуждения.

Ряд ораторов посвятил свои выступления разбору различных проявлений формализма в музыке. О том, как вредно отражалось формалистическое творчество композиторов на культуре исполнения, рассказал Д. Рапопорт, выступивший от имени Государственного симфонического оркестра СССР.

О путях развития музыки малых форм, о музыке легкого жанра говорил в прениях И. Дунаевский. Оратор обращает внимание на необходимость воспитания молодых авторов, пишущих музыку для песен, для оперетты, для эстрады.

Т. Хренников в заключительном слове коснулся задач, стоящих перед Союзом композиторов в деле музыкального воспитания молодежи и в создании новых, полноценных трудов по музыкознанию. Следует позаботиться и о разработке учения о мелодии, которое так необходимо и педагогам и учащимся музыкальных учебных заведений.

Докладчик видит основную задачу будущего руководства Союза композиторов в сплочении всех творческих сил советской музыки с тем, чтобы направить талантливый коллектив советских творцов музыки на выполнение постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба».

Выступивший затем председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. Лебедев подчеркнул необходимость вести последовательную и твердую борьбу против формализма. Он предостерегает от возможных рецидивов формализма, которые могут появиться как результат влияния буржуазного Запада.

Оратор отмечает, что прежнее руководство Комитета по делам искусств оказалось в плену у апологетов формализма. Тов. П. Лебедев призывает будущее правление Союза композиторов хранить в чистоте ряды членов союза, вовлекая в него всех творчески ценных товарищей и отметая балласт, который подчас засоряет ряды музыкальных организаций.

— Партия и правительство обращается к советским композиторам с призывом творить для советского народа, — говорит П. Лебедев. — Мы знаем, что советские композиторы справятся с этой задачей и сумеют создать музыку, отвечающую художественным запросам советского народа, достойную эпохи великого Сталина.

С'езд единодушно принял резолюцию, намечающую конкретные шаги для осуществления задач, стоящих перед Союзом композиторов. Резолюция призывает решительно покончить со всеми пережитками буржуазной идеологии в музыке. Новое правление должно перестроить работу союза на подлинно демократических началах, союз должен быть тесно связан с жизнью страны и народа. Эта связь явится залогом роста и расцвета советской музыки. Резолюция призывает композиторов обратиться в своем творчестве к народной песне и великим творениям русской музыкальной классики, учась у них простоте, ясности и красоте музыкальной формы.

С'езд ориентирует композиторов на создание музыкальных произведений всех жанров, в которых высокоидейное содержание было бы облечено в достойную его форму. Резолюция определяет также первоочередные задачи советского музыкознания и обращает внимание на постановку музыкального образования.

С'езд осудил поведение тех композиторов-формалистов, которым ЦК ВКП(б) указал на их ошибки и которые не нашли нужным выступить на с'езде с оценкой своих заблуждений.

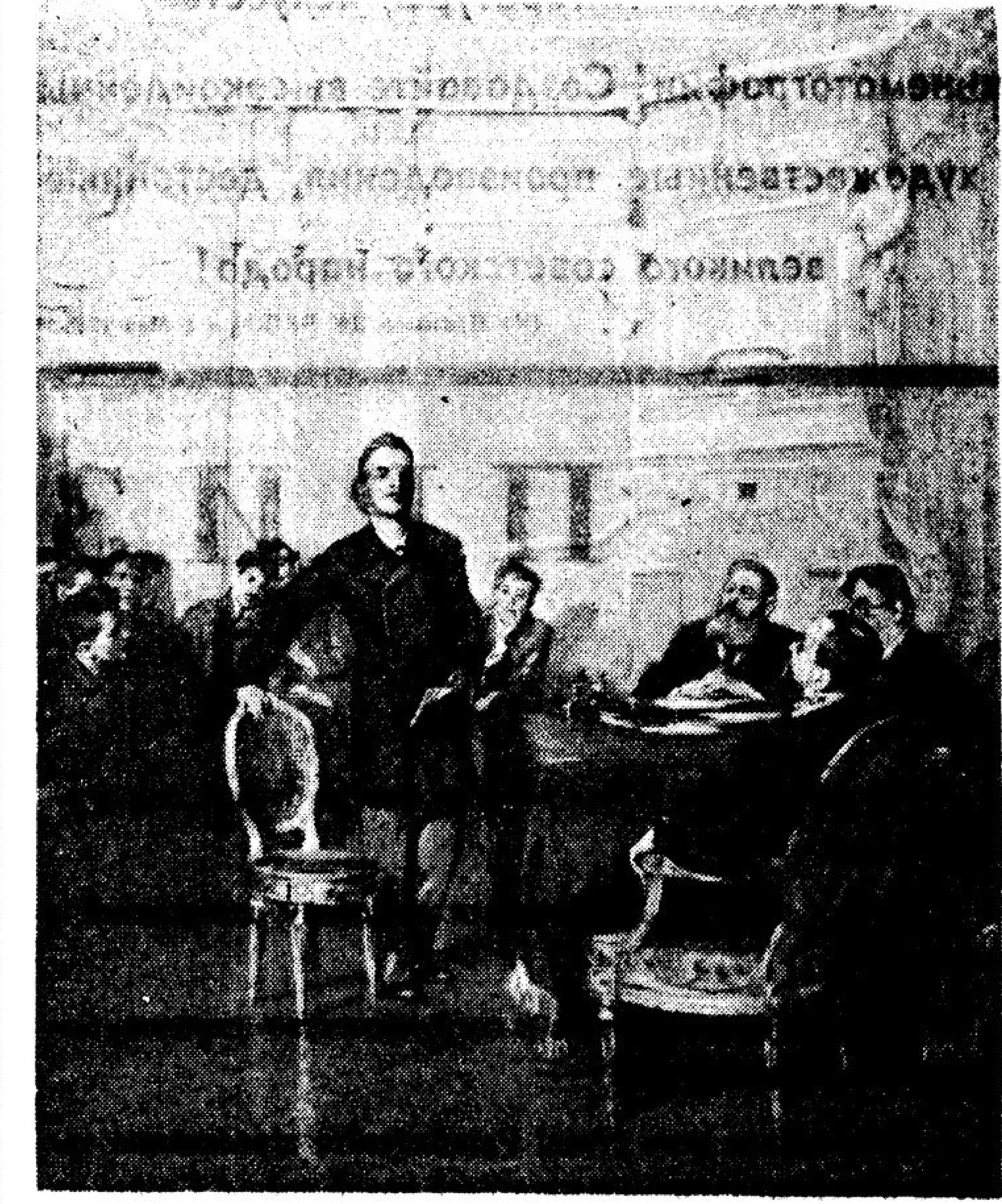
В резолюции с'езда выражается уверенность, что советские композиторы ответят на требования народа созданием произведений, достойных сталинской эпохи.

Приняв устав Союза советских композиторов, с'езд избрал правление и ревизионную комиссию. В правлении, избранном тайным голосованием, — 51 человек, в числе которых виднейшие музыкальные деятели страны и представители всех союзных республик.

С величайшим энтузиазмом, под долго не смолкавшую овацию, делегаты с'езда приняли приветствие товарищу Сталину.

* * *

26 апреля состоялся первый пленум правления Союза советских композиторов СССР. Председателем союза пленум избрал народного артиста СССР академика Б. Асафьева. Генеральным секретарем избран композитор Т. Хренников. Секретарями союза — композиторы М. Коваль, В. Захаров, М. Чулаки, А. Штогаренко.

«В. И. ЛЕНИН НА ЭКЗАМЕНЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ»
Картина лауреата Сталинской премии В. М. ОРЕШНИКОВА.

С. ВАСИЛЕНКО

Создадим музыку, близкую народу

Первый всесоюзный с'езд композиторов должен быть отмечен, как особенное событие. Он состоялся после исторического постановления ЦК партии, постановления, которое произвело очистительную бурю в нашем музыкальном искусстве.

Два вопроса волнуют сейчас нашу музыкальную общественность.

Первый вопрос — о сохранении русского музыкального стиля.

Для того чтобы по-настоящему овладеть русским стилем, надо любить и знать русскую песню.

Великие русские композиторы широко использовали народные мелодии. Русская песня легла в основу целого ряда замечательных созданий Глинки, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова.

Обращение к народной песне, однако, не должно носить характер простого цитирования. Внешний подход, игнорирующий живое звучание народных песен и их идейное содержание, опять-таки приведет к созданию произведений формалистических.

Наши композиторы должны учиться слышать то, о чем поет в своих песнях народ, учиться воспринимать народные интонации. Только тогда они смогут писать музыку, которая, впитав в себя все богатство русского песенного творчества, будет вполне самостоятельной и оригинальной.

Я помню, как Н. А. Римский-Корсаков с обидой говорил: «Все меня спрашивают: где я нашел примененную в такой-то опере такую прекрасную русскую народную песню? Да вовсе нигде не находил, я сам сочинил». Вот к такому использованию песенного фольклора нужно стремиться нам, советским композиторам!

Второй вопрос—как перестроятся композиторы-формалисты, смогут ли они пойти другой дорогой, писать музыку, понятную народу?

Я уверен, что талантливые композиторы найдут новый язык, способный выразить высокие идеи нашего времени, настроения и чувства советских людей. Для этого от них потребуется очень глубокая, мужественная самокритика, пересмотр сделанного ими. Жаль, что не все из них понимают это,—иначе на с'езде композиторов они честно и прямо сказали бы, как они думают работать, каково их мнение о критике их ошибок.

Выступившие на с'езде Д. Шостакович, А. Хачатурян и приславший письмо Г. Попов полностью признали формалистические ошибки в своем творчестве. Однако никого не удовлетворила речь В. Мурадели, который, видимо, не сумел разобраться в своих заблуждениях. В. Шебалин, сославшись на болезненное состояние, ограничился письмом, которое не содержало в себе ничего, кроме общих фраз. Полным молчанием отделались композиторы С. Прокофьев и Н. Мясковский.

***

В 1912 году в немецком журнале «Музыка» композитор Шенберг писал:

«Музыка не должна выражать чувств и переживаний. Нужно стремиться только к новым, неслыханным сочетаниям, а таковые, несомненно, появятся, если мы не будем подчиняться устаревшим правилам гармонии и полифонии, бросим всякую мысль о душевных переживаниях, а звуки будут располагаться произвольно, как в калейдоскопе».

В этих кошмарных догматах ярко выразились принципы атональной, формалистической музыки.

Атональная система дает, на мой взгляд, широкую возможность сочинять даже абсолютно бездарным людям.

Многие современные композиторы стараются блестящей инструментовкой прикрыть убожество мысли. Очень хорошо сказал тов. А. А. Жданов: «Допускаются извращения также в использовании инструментов не по назначению, когда, например, рояль превращается в ударный инструмент. Уменьшается роль вокальной музыки за счет одностороннего развития музыки инструментальной».

Наши композиторы часто бывают небрежны к своему творчеству: наряду с прекрасными, талантливыми сочинениями они часто пишут слабые и непродуманные вещи.

Советская музыкальная критика должна быть глубоко заинтересована в судьбах каждого из наших художников. Она должна помогать композиторам развивать те ценные—идейные и стилистические—тенденции, которые заложены в их творчестве. Но вместе с тем наши критики обязаны и указывать на ошибки или недобросовестность тех или иных мастеров.

***

Хочется сказать несколько слов о подрастающей музыкальной молодежи, на которую мы возлагаем надежды.

Как заведующий кафедрой инструментовки Московской консерватории, я постоянно знакомлюсь с работами студентов композиторского отделения. Бесконечное подражание современным композиторам-формалистам положено в основу их творчества.

Сам я учился у С. И. Танеева. Этот великий мастер и педагог прежде всего заботился о том, чтобы ученики его, постигнув в совершенстве все музыкальные дисциплины — гармонию, контрапункт, фугу, форму, — писали оригинальные сочинения в своей, индивидуальной, манере.

Нашим педагогам необходимо стремиться к тому, чтобы композиторская молодежь, правдиво отражая современную действительность, обладала собственным музыкальным лицом. Молодые композиторы должны овладевать мастерством путем глубокого, всестороннего изучения произведений русских и западных классиков.

***

Партия и правительство неустанно следят за развитием советской музыкальной культуры. Они всегда указывали и указывают на недопустимость и большой вред модернистских извращений в музыке. Сейчас формализм решительно осужден нашей партией и всем советским народом, и нужно принять все меры, чтобы он никогда уже не мог возродиться.

Мне вспоминается старинная народная легенда о вурдалаках. По преданию, вурдалаки — это злые люди, которые не умирают и после смерти. Вурдалака нельзя уничтожить иначе, как вбив в его могилу осиновый кол. Так и в формализм, который является выражением идейного упадка, должен быть вбит осиновый кол.

С'езд композиторов осудил формалистическое направление в музыке, как антинародное и антидемократическое, чуждое советскому искусству, связанное своими корнями с реакционным искусством современного капиталистического Запада.

С'езд наметил программу дальнейшей деятельности советских композиторов и музыковедов, обязал новое правление Союза советских композиторов решительно перестроить работу союза на основе указаний ЦК партии, определивших пути развития советской музыки. Союз композиторов должен стать подлинно демократической организацией, связанной с жизнью нашего народа. Он обязан активно содействовать развитию советской музыкальной культуры.

С'езд призвал нас, советских композиторов, еще глубже изучать народное творчество всех национальностей необ'ятной нашей Родины, учиться у великих композиторов-классиков сочетать глубокую содержательность произведений с простой и доступной музыкальной формой.

В своем выступлении на совещании в ЦК ВКП(б) товарищ Жданов сказал: «Мы страстно желаем, чтобы у нас была своя «Могучая кучка», чтобы она была и многочисленнее и сильнее, чем та, которая когда-то поражала мир своими талантами и прославила наш народ. Для того, чтобы вы были сильными, вы должны отбросить прочь со своего пути все то, что может вас ослабить, и отобрать лишь такие средства вооружения, которые помогут вам стать сильными и могучими. Если вы используете до дна гениальное классическое музыкальное наследство и вместе с тем разовьете его в духе новых потребностей нашей великой эпохи, вы станете советской «Могучей кучкой».

Мы, советские композиторы, должны приложить все усилия к тому, чтобы призыв партии и народа был претворен в жизнь.

Ц. СОЛОДАРЬ

Музыка и либретто

Среди части композиторов и музыковедов широко распространился взгляд, что музыка, встречаясь с литературой, в частности с поэзией, должна «преодолеть» ее. Это и служило дымовой завесой, за которой композиторы-формалисты расправлялись с поэзией. Их произведениям, представлявшим сумбурное нагромождение оглушительных звуков, требовались не стихи, а бесформенные словесные нагромождения. Естественно, что наши поэты на это не шли. И тут на сцену появляются услужливые, на все готовые литераторы, вроде Ю. Стремина — автора стихов в опере «Великая дружба» В. Мурадели. Кстати, Ю. Стремин, творчество которого не имеет ничего общего с поэзией, является в течение последних трех лет основным поэтическим автором Большого театра.

Решение ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» характеризует эту оперу, как порочное, антихудожественное произведение не только в музыкальном, но и в сюжетном отношении. Либреттист Мдивани положил в основу оперы исторически неверную и фальшивую фабулу. О драматургической неполноценности либретто можно судить уже по одному тому, что «между музыкальным сопровождением и развитием действия на сцене нет органической связи». А «стихи» Ю. Стремина завершили дело: убийство мелодии в этой опере сочетается с убийством поэзии.

Как все это несравнимо с жизненными образами, почерпнутыми И. Дзержинским из «Тихого Дона» М. Шолохова, с хорошими стихами В. Каменского в опере «Емельян Пугачев» М. Коваля, с ясной драматургией Н. Вирты и А. Файко в опере «В бурю» Т. Хренникова!

И все же кое-кто из композиторов считает, что привлечение поэтов и драматургов чуть ли не противопоказано опере. В. Шебалин, например, на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) заявил: «Когда пытались привлекать литераторов и писателей с именами, то получалось почти всегда фиаско, потому что они, то-есть писатели, увлекались разными литературными соображениями...»

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели пробудило во многих драматургах и поэтах огромное желание работать вместе с композиторами над оперными произведениями. Указания партии напомнили советским литераторам поучительную историю развития русской оперной классики, отличающейся внутренней содержательностью, народностью и ясной музыкальной формой. Русская опера неизменно опиралась на русскую литературу. Наконец, вековой опыт оперного творчества неоспоримо показывает, что зрителю в оперном спектакле всегда ближе и дороже образы, знакомые по любимым литературным произведениям. Не обязывает ли это нас создавать либретто по мотивам лучших образцов советской литературы? В этих произведениях живут наши современники — «простые люди с их простыми человеческими страстями и чувствами», в которых Чайковский видел героев опер.

Не менее важно написать оперные либретто и на оригинальные сюжеты.

Союз советских писателей создал недавно секцию драматургов музыкального театра. Она призвана стать центром живого творческого общения писателей и композиторов. Надо пред'являть друг другу требования без малейших скидок на «специфику» жанра и оценивать всю работу, особенно в области оперы, исходя из высоких критериев, поставленных решением партии. Только в результате такой творческой связи могут быть созданы высокоидейные и подлинно народные — по музыке и тексту — советские оперы.

П. ПАВЛЕНКО

Биография одного альманаха

После войны в Крыму произошли большие перемены: состав его населения сильно изменился, в область пришли переселенцы, не знавшие ни края, ни его истории, ни его будущего.

Довоенный писательский коллектив перестал существовать, о новом сначала не приходилось и думать. Зимою 1944 года в области оставалось два «коренных» крымских литератора — критик областной газеты В. Вихров и очеркист той же газеты Н. Шагурин. Поэт Б. Серман и прозаик Э. Фейгин сражались в армии, вдали от Крыма.

С войсками, освободившими Крым, пришли прозаик Е. Поповкин и Д. Холендро. Они были людьми военными, но в качестве работников газеты, понятно, заинтересовались новыми, обступившими их областными темами. Е. Поповкин работал тогда над «Семьей Рубанюк» («Чистая Криница»), мечтал о следующей книге, посвященной Крыму. В 1946 году приехал к нам демобилизованный офицер — молодой поэт А. Лесин, за ним—поэт В. Субботин. Из Казани переехал на жительство поэт В. Земной. Вернулся из армии Б. Серман. В ту пору в Крыму выходили краеведческие сборники «Советский Крым». Об альманахе художественном думать было рано. Но думать о нем уже хотелось.

В Севастополе, во флотской газете, обнаружился поэт А. Ленский. Старый большевик Иван Андреевич Козлов заканчивал свои воспоминания о крымском подполье. В Симферопольском пединституте учился начинающий поэт А. Милявский, юноша с хорошим, многое обещающим поэтическим голосом. Работник Радиокомитета Т. Кистяковская писала детские стихи. В Бахчисарае, в Керчи, в Феодосии, всюду, оказывается, жили пишущие люди. Ольга Петровна Джигурда, военный врач, написала отчет о своей работе в дни войны, оказавшийся увлекательной книгой, а бывший секретарь Севастопольского горкома ВКП(б) тов. Борисов — воспоминания о работе партийной организации в условиях обороны Севастополя; из этих воспоминаний тоже проглядывает отличная, хотя еще и не написанная книга. Демобилизовался из армии и остался в Крыму Д. Холендро. Приступил к работе над второй книгой «Семьи Рубанюк» Е. Поповкин. Старый крымский партийный работник Т. Надинский, прикованный к постели в результате тяжелого ранения, занялся историческими темами.

Благодаря помощи Министерства рыбной промышленности западных районов, нам прошлым летом удалось послать на рыбные промыслы трех студентов литературного института, молодых прозаиков тт. Северцева, Евдокимова и Владимирова. Опыт оказался в общем удачным, и этим летом мы напечатаем у себя их повести и очерки о крымских рыбаках.

Коллектив начал складываться. Вопрос об альманахе или журнале стал на практическую почву. Однако мы не особенно торопились.

Никогда не будет жизненным орган, необходимый лишь десятку литераторов, которым дозарезу охота печататься, хотя бы и вопреки здравому смыслу.

Областной или краевой альманах — голос области, областной орган. Если у писательского коллектива нет сил для того, чтобы создать нечто общественно-полезное, не стоит и начинать.

Областной альманах, кроме того, становится центром, вокруг которого должны группироваться не только пишущие, но и мечтающие писать. Это своего рода практическая школа, тесно связанная с интересами и нуждами области. Областная газета и альманах — организаторы общественного мнения, проводники партийного влияния. Отрывать альманах от запросов дня, от живой жизни области, противопоставлять альманах газете или наоборот— вреднейшая вещь.

Но как начать дело маленькому коллективу, все собрание сочинений которого может уместиться в 1—2 номерах альманаха?

Только готовя резервы. Только разыскивая и находя новых людей.

Но очень часто новые люди — это еще далеко не готовые к печати рукописи.

В областных условиях, где среди пишущих преобладает молодежь, надо твердо помнить — готовых рукописей не существует. Рукописи надо делать. Нет иногда и точно разграниченных жанров. О. Джигурда писала отчет — вышла правдивая повесть. А кто-нибудь другой, создавая повесть, обнаруживает, что получился очерк. Ну и пусть, хороший очерк всегда лучше плохой повести.

Одним из основных качеств областного литературно-художественного органа должна быть воинственность. Газета борется за осуществление партийной линии на всех участках жизни. Литературно-художественный орган должен бороться за осуществление партийной линии в искусстве. Если журнал не знает, во имя чего он существует, не видит, за какие идеи ему следует бороться, и не понимает, против каких явлений жизни ему надлежит мобилизовать свои силы, — он, повторяю, не нужен.

Таким образом, публицистика, критика, вопросы культуры должны играть очень заметную роль в альманахе, чем, к сожалению, могут похвалиться еще очень немногие.

До сих пор еще существует мнение, что альманахи нужны для того, чтобы опубликовать очередной роман А. или повесть Б., не находящие себе места в столичных журналах по причине их ненужности.

Местная жизнь, местные темы, местные проблемы, люди края, их труд и слава, выражены ли они в романах или корреспонденциях, — вот одно из главных дел областного альманаха. И чем он будет «областнее», — в хорошем смысле этого слова, — тем явственнее будет его всесоюзное звучание.

В Крыму, к счастью, для писательского коллектива условия сложились очень благоприятные. Мне думается, я не проявлю крымского шовинизма, если скажу, что условия, созданные молодым литераторам Крымским областным комитетом ВКП(б), пожалуй, даже исключительно хороши.

Не везде еще партийные организации систематически, изо дня в день, занимаются вопросами искусства, не везде практически интересуются, над чем работают литераторы. Этой зимой крымские литературные работники дважды выступали с чтением своих произведений, сначала перед участниками пленума обкома ВКП(б), а затем и на областной партийной конференции. Я считаю такой метод работы отличным. Молодой литератор проникается чувством ответственности за свое дело, отдает себе отчет в важности его и понимает, как много от него ждет общественность области. Так укрепляется понимание партийности литературы. Это тем более важно, что значение книг, созданных в областях, будет из года в год серьезнее, весомее, а вклад «областников» в общелитературное дело станет очень заметным. Для примера сошлюсь хотя бы на книги И. Козлова «В крымском подполье», А. Федорова «Подпольный обком действует», В. Закруткина «Кавказские записки», О. Джигурды «Теплоход «Кахетия», Е. Поповкина «Семья Рубанюк».

В январе этого года после долгих тревог и исканий родился первый номер альманаха «Крым», о котором было сказано несколько лестных слов на совещании редакторов областных альманахов и журналов при Союзе писателей.

Вероятнее всего, он хорош только тем, что большинство других значительно хуже. Но я считаю тем не менее, что у «Крыма» есть все основания стать действительно хорошим альманахом.

Надо любовно создавать у себя публицистику, критику, культивировать очерк, не забывать жизни родственных отрядов искусства—живописи и музыки, неустанно работать над романами, повестями, рассказами и стихами о людях и делах области, неутомимо разыскивать «бывалых людей» с их записями и не отрываться от читателя, держать с ним теснейшую связь. Альманах «Крым» может стать отличным, если окажется нужным своей области, если будет способен помочь росту ее культуры, если сумеет рассказать о своей области всесоюзному читателю так, как не рассказывали до него.

К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского

„Я В МИРЕ БОЕЦ...“

С. МАШИНСКИЙ

Литературная критика для Белинского была одной из самых действенных форм проявления русской общественной мысли. Он часто подчеркивал большой «авторитет и могущество» критики, ее значительное влияние на жизнь и развитие литературы.

Своим громадным общественным авторитетом критика была прежде всего обязана самому Белинскому. Он первый доказал полную несостоятельность суб'ективно-вкусового подхода к явлениям искусства. Он вдохнул в литературную критику живую мысль, общественный пафос, превратил ее в орган передовых идей. После него критика перестала быть выражением частных, случайных «мнений». Белинский подвел под нее научный фундамент и целостную систему эстетических воззрений. Он положил начало русской критике всемирно-исторического значения.

Что же такое критика? Каковы ее сущность, предмет, задачи?

Ответы на эти вопросы формулировались в зависимости от общих воззрений Белинского на проблемы искусства, которые складывались у него в тот или иной период его идейного развития. «Что такое критика?» — этим вопросом начинал он свою статью о «Стихотворениях Владимира Бенедиктова».

Однако в то время он еще не мог дать глубокого и всестороннего ответа на поставленный вопрос. Статья писалась в 1835 г., когда Белинский далеко еще не преодолел своих идеалистических ошибок. Его понятия о предмете и задачах критики находятся еще в значительной степени в пределах чисто эстетического ряда, хотя он и отвергает представление об искусстве как «об украшенном подражании природе».

В следующем году в статье «О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя»» Белинский опять возвращается к интересующему его вопросу. И прямо с него снова начинает статью: «Что такое критика?» Высоко оценивая общественную роль критики, Белинский формулирует условия, при которых эта роль может быть успешно выполнена. Критик должен обладать «глубоким чувством», «пламенной любовью к искусству», наконец, «об'ективностью ума, которая есть источник беспристрастия». В этих формулах ничего нового еще нет сравнительно с предшествующей статьей. По существу, это вариация старого решения. Но вслед за тем Белинский подчеркивает важную мысль: «Наша критика должна быть гувернером общества» — мысль, которую Белинский разовьет в последующих статьях.

Теоретические взгляды Белинского в этот период еще не лишены серьезных противоречий. Верные, глубокие идеи порой еще соседствуют с положениями, явно навеянными автору романтической «теорией изящного». Лишь позднее, утвердившись на позициях материалиста, революционера-демократа, критик смог всесторонне ответить на вопрос, который занимал его с самого начала критической деятельности.

Осенью 1842 года Белинский написал большую статью «Речь о критике».

Искусство и критика, утверждает Белинский, имеют одним своим общим источником «дух времени»; искусство и критика имеют общее содержание, при различии в форме. Отсюда и задачи, стоящие перед искусством и критикой, неизбежно являются общими: «суждение, анализ общества». Критика «есть сознание действительности». Она состоит в рассмотрении произведения искусства не как самодовлеющего явления, не «в сфере самого искусства», но в его «отношении к эпохе, к исторической современности, и в отношениях художника к обществу».

Тургенев в одном из писем к Белинскому называет его своим «отцом и командиром». Эти слова могли бы повторить многие русские писатели 30—40-х годов XIX столетия.

Белинский однажды не без гордости писал Панаеву, что издали узнает птицу по полету и редко ошибается. Он говорил о своем «верном инстинкте в литературных явлениях». Это был человек поистине поразительного эстетического чутья. По первым, подчас еще робким шагам начинающего писателя он давал безошибочный прогноз его будущей литературной судьбы.

Это был критик-учитель. Громадную силу его духовного влияния испытали на себе многие великие русские писатели. Гоголь и Лермонтов, Тургенев и Некрасов, Кольцов и Гончаров — творческая судьба каждого из них связана с именем Белинского.

Авторитет эстетических суждений Белинского основывался не на том лишь, что он знал лучше, чем кто-либо другой, законы искусства. Он знал лучше жизнь. И это составляло силу его критического анализа. Это давало ему моральное право учить писателя.

Источник всякой поэзии есть жизнь, часто повторял Белинский. Большое искусство немыслимо вне современного содержания, без «живого, кровного сочувствия к современному миру». Писатель должен быть верен действительности — с этим требованием Белинский подходил к литературе еще с самого начала своей критической деятельности. Но вскоре он почувствовал недостаточность такой постановки вопроса. Помимо «верного такта действительности», художник должен еще быть проникнут «горячими убеждениями, глубокими верованиями».

К анализу любого художественного явления Белинский подходил с точки зрения отношения искусства к действительности. Он ценил литературное произведение в той мере, в какой оно не только воспроизводит жизнь, но и вмешивается в нее, воздействует на нее.

Эту же задачу Белинский ставил перед критикой. Критика должна быть голосом жизни, она обязана быть «злобой дня». Хорошо сказал Тургенев:

— Замечательным качеством Белинского как критика было его понимание того, что именно стоит на очереди, что требует немедленного разрешения, в чем сказывается «злоба дня».

Белинский разделял критику на два рода: «прямую» и «уклончивую». И он не уставал высмеивать критику второго рода, трусливо избегавшую выражать свое ясное отношение к явлениям искусства, оперирующую «осторожнейшими выражениями». Такую критику Белинский с презрением отметал как торгашескую, беспринципную, называя ее «службою и нашим и вашим».

Его безмерно раздражали пресные критические статьи, равно как и романы, в которых не было ни сочувствия, ни вражды, ни любви, ни ненависти. В этом отношении критик не щадил даже писателей, к которым относился с величайшей симпатией. Гончаров вспоминал, как Белинский на него обрушился:

— Вам все равно, попадется мерзавец, дурак, урод или порядочная добрая натура, — всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти. ни к кому.

Этот упрек Белинский вскоре публично повторил в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

Белинский боролся за критику, которая, как и искусство, давала бы «ответы на вопросы времени». Он боролся за критику, которая воспитывает в читателе патриотическое чувство, любовь к народу. Он с яростным презрением отзывался о тех «космополитах», которые не хотели верить, что «русский ум, русский язык могли на что-нибудь годиться», для которых «всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность..., а свое русское, хотя бы и отличное высокой даровитостью, презиралось за то только, что оно русское».

В 1842 году на страницах петербургских и московских журналов разгорелась ожесточенная полемика вокруг только что вышедших в свет «Мертвых душ». Реакционная критика утверждала, что Гоголь оклеветал Россию, что он нарисовал уродливую карикатуру на нее, одним словом, что поэма ничего общего не имеет с русской действительностью.

Чтобы подкрепить этот вывод, начали искать в «Мертвых душах» следы влияний иностранных литературных образцов. Критик Полевой, например, вслед за Сенковским пытался выдать гениального русского писателя за подражателя ничтожного Поль-де-Кока.

Белинский в своей знаменитой полемике с К. Аксаковым и заметках против Шевырева блестяще вскрыл политический смысл этой теории заимствования. Он показал, как изысканиями о «влияниях» на Гоголя пытались отрицать великую реалистическую правду его поэмы, ее глубокую связь с русской действительностью.

* *
*

Русская реакция ненавидела и боялась Белинского. Она преследовала его не только при жизни, но и после смерти. В течение многих лет тяготел строжайший запрет над сочинениями Белинского, даже над его именем. Но «Белинский умер, жив Белинский», — с горечью писал один из его врагов, вынужденный признать громадную роль идей великого критика.

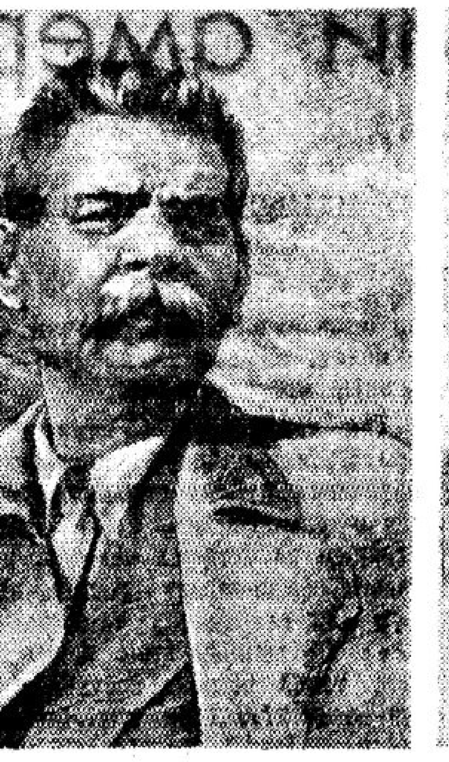
На протяжении многих десятилетий Белинский оставался духовным вождем литературного и общественного движения России. Его неистребимую веру в освобождение русского народа от оков рабства и угнетения, веру в великую историческую судьбу этого народа, родную культуру и искусство, как эстафету, пронесли поколения передовых русских людей вплоть до революции 1917 года.

— Я в мире боец, — говорил о себе Белинский. Его называли «неистовым Виссарионом». И кажется, невозможно было бы к его имени подобрать более точный эпитет.

Белинский видел в критике могучее средство воздействия на литературу и жизнь. В его руках литературная критика стала впервые в истории столь действенным политическим оружием. И в этом отношении подвиг «неистового Виссариона» для нашей критики особенно поучителен.

Советская критика еще не заняла того места, которое ей по праву должно принадлежать. Критические отделы толстых журналов напоминают еще порой тихую заводь, весьма отдаленную от тех вопросов, которыми живет наша страна. Наши критики предпочитают нередко заниматься единичными фактами современной литературы, не обобщая ее типических явлений. Спор о литературном произведении ведется еще нередко у нас в пределах замкнутого круга, изолированного от жизни, от самых злободневных вопросов современности.

Советская литературная критика, перед которой партия поставила большие задачи, может многому поучиться у Белинского. Его заветы — это живой родник мыслей и чувств, сохранивший свое великое значение до наших дней.

М. ГОРЬКИЙ

С. НЕРИС

ДЖАМБУЛ

Портреты работы лауреата Сталинской премии А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО.

Письма с Урала

А. ТВАРДОВСКИЙ
Спец. корр. «Литературной газеты»

В колхозе «Первое мая»

Если я вижу, что на приусадебном участке колхозника, край в край с грядками обычной огородней мелочи и бороздками картофеля, стыдливо теснится пшеничка или ржица, или ячменек,—мне совершенно ясно, что бы мне ни говорили наперед об этом колхозе, как бы его ни расхваливали, — ясно, что колхоз неважный. Это неопровержимая улика. Колхозники здесь не заботятся об укреплении общего, артельного богатства и достояния. У такого «колхозника» есть отдельная от его трудовых обязательств и интересов в колхозе своя посевная и уборочная. Только вспашку здесь он производит не трактором и даже не всегда конным плугом, а лопатой или мотыгой, сеет из подола рубахи, а, убрав урожай, обмолачивает его в сенях вальком и сушит на печке.

С этого, можно сказать, и началась наша беседа с председателем колхоза «Первое мая», Красноуфимского района, Николаем Ивановичем Чащиным. Я попросту спросил его с первых слов, сеют ли колхозники хлеб на своих огородах, и обрадовался тому недоумению, с каким Николай Иванович возразил мне:

— Зачем?

Я видел, что Чащину, конечно же, доподлинно известно, зачем это делается, но хорошо было, что он имел возможность делать вид, будто не понимает, зачем. И как бы подозревая приезжего в недостаточной осведомленности по части таких вещей, он начал было пояснять мне, как иностранцу:

— Огород или приусадебный участок, он, видите ли, существует у нас для другой цели. А именно для того, чтобы у колхозника было под рукой к столу всякое такое огороднее. А рожь или пшеницу зачем же он будет сеять, для этого существует поле...

— Значит, не сеют, ни один человек?

— Понятия такого нет.

Дальнейшая беседа, ознакомление с годовым отчетом колхоза, показателями урожайности его полей, продуктивности стада и ценности трудодня окончательно убедили меня: я попал в хороший колхоз.

Принято почему-то извиняться перед читателем за привлечение цифрового материала или же исподволь и как бы невзначай подсовывать цифры читателю вперемежку с описаниями природы, диалогами и т. п. Но в данном случае я озабочен не художественностью изложения, а только достоверностью. И мне важнее всего, чтобы у читателя явилось по возможности отчетливое представление о том, что такое хороший колхоз в Предуралье, именно хороший, просто хороший, а не какой-нибудь исключительный, выдающийся.

Исключительным и выдающимся можно было бы назвать колхоз «Заря» соседнего Ачитского района, колхоз, описанный во множестве очерков и корреспонденций в свердловской и московской печати и заснятый в документальном фильме «Сто пять лошадиных сил». Там-то я собирался побывать, но мне помешало половодье — уже нельзя было проехать.

— Поезжайте тогда в «Первое мая»,— сказали мне в области.—Правда, того вы там не увидите, что в «Заре», такой, например, электрификации нет, но все же колхоз интересный.

И, должно быть, предполагая, что интересным для меня может быть лишь что-нибудь этакое, не совсем заурядное, мне сообщили, что в «Первом мая», между прочим, имеется водопровод, колхозная музыкальная школа и звероферма, где выращиваются чернобурые лисицы.

Но меня больше интересовало другое— коренные показатели экономической и организационной прочности колхоза и жизненного уровня колхозников. С того я и начал по прибытии в «Первое мая».

Уже в 1947 году колхозник получал на каждый выработанный трудодень 2 килограмма хлеба, не считая денег, овощей и мяса.

Планом 1948 года предусмотрена выдача на трудодень 11 названий продукции.

Но доход колхоза не исчерпывается оплатой трудодня, хотя бы и высокой, — тогда колхоз просто с'едал бы то, что он получает от своих полей, огородов и стада. Неделимый фонд колхоза в этом году составляет 738 тысяч рублей. Это основной показатель роста хозяйства, его развития в сторону более передовых и совершенных форм.

На средства неделимого фонда уже отремонтирована, вернее сказать, почти заново отстроена плотина на речке, создан большой пруд; построен водопровод протяжением труб в 4 километра с водоразборными будками и частичным разветвлением непосредственно в дома колхозников; построена образцовая зерносушилка, пожарный сарай и 17 новых домов для колхозников. В текущем году на капитальное строительство будет затрачено 636 тысяч рублей. Строится общественная баня; заготавливается местный камень — бутовый плитняк — на возведение каменного конного двора; приобретено и приобретается много скота лучших пород, много машин. Только на культурные нужды колхоза и расширение и оборудование детских учреждений отпускается 100 тысяч рублей. Все эти затраты имеют прямое отношение к оплате труда колхозника, они — существенная добавка к реальной стоимости выработанного им трудодня. О детских яслях и площадке, работающих круглый год, нечего и говорить — их значение слишком очевидно. Но и водопровод в колхозе «Первое мая» — это не просто новшество, а целый переворот в быту жителей села Александровского. С тех пор, как существует село, воду брали из речки, а попытки вырыть колодцы не приводили к хорошим результатам: дойти удавалось до грунтовых вод, почти не пригодных для питья. Колхоз на средства неделимого фонда пробурил 60-метровую скважину, установил насос, соорудил водонапорную башню и послал по трубам хорошую, чистую воду по улицам села. Нынче водопровод будет разветвлен по всем до единого домам, и хозяйке не нужно будет выходить к водоразборной будке, — вода под рукой на кухне. Это очевидное высвобождение сил и времени, которые с пользой для себя и колхоза должны быть затрачены на колхозной работе.

Баня строится не потому, чтобы так уже негде было помыться людям; в любом огороде — своя черная банька. Но та банька отнимает у каждой семьи время и силы, ее нужно топить, держать для нее дрова, таскать воду. А тут колхозник и его семья могут без хлопот, придя с работы, помыться в бане, которая к тому же будет почище и где воды будет вольней,— мойся, сколько тебе влезет. Опять экономия сил и времени, удобство для колхозника и прямая выгода для коллектива.

Со всей очевидностью эта обстановка сказывается на трудовой дисциплине.

Ранним весенним утром мы прошли с товарищем по улицам колхоза. Все на усадьбе было в несуетливом и немноголюдном деловом движении. Стучал локомобиль на колхозной мельнице; визжала пила-циркулярка, где готовили березовую чурку для газогенераторов; тянулись подводы, груженные окоренным и окантованным лесом для новой бани; на скотных дворах и конюшнях, на семенном складе и по другим хозяйственным помещениям шла работа заведенным, обычным, устойчивым порядком.

Больше всего дорога в колхозе эта привычность, заведенность трудового порядка, знание каждым своего места и своих обязанностей.

Накануне в колхозе был проведен пробный выезд в поле, который показал полную готовность лошадей, инвентаря и сбруи к весенне-полевым работам. У одной бороны оказался зуб, плохо закрепленный на месте; так об этом мы узнали вчера, едва только вылезли из саней у крыльца правления.

И во всех других отношениях готовность к весеннему севу свидетельствует о прочности заведенного и привычного хозяйственного порядка. Отборные семена в наличии с излишком. За зиму на поля вывезено около 14 тысяч возов навоза. Заготовлены минеральные удобрения. Наступающий сельскохозяйственный год обещает быть еще более доходным, сулит новые и существенные изменения в благосостоянии и быту колхозников, в самом облике колхозной усадьбы.

Я начал свое знакомство с колхозом с вопроса о роли приусадебного участка в экономике колхозного двора. И я должен был убедиться, что в этом колхозе идет сознательно направляемый процесс последовательного укрепления общественного хозяйства. Все, что построено, строится и затевается в «Первом мая», можно и должно осмысливать в связи с этим процессом, обозначающим ведущее, новое и передовое в нынешнем развитии колхозного хозяйства. Активное видение своего завтрашнего дня, перспективность, соответствующая общим великим задачам послевоенной пятилетки, — характерная черта сегодняшней действительности колхозного села.

Очень важно, чтобы все планы, все наметки и затеи на будущее были разумно согласованы с основной задачей колхоза— укреплять и умножать артельное, общее хозяйство, получать наибольшие урожаи, давать государству больше хлеба и всяких иных продуктов, высоко оплачивать трудодень.

Я не был уверен, например, что идея асфальтирования улиц села Александровского, которую колхоз собирается осуществить в текущем году, является такой уж неотложной и первостепенной. Я высказал на месте эту свою неуверенность, и на меня накинулись, как на человека отсталого, не понимающего, что сейчас происходит уничтожение противоположности между городом и деревней и т. п. Особенно досталось мне от секретаря партийной организации, зоотехника Веры Тихоновны Пекунькиной — женщины, обладающей, в полном противоречии со своей тоненько и нежно звучащей фамилией, большим характером и энергией.

— Вы думаете, что только в Москве можно ходить по асфальту, а мы должны грязь месить? Почему вы так думаете?

Я пробовал сослаться на дороговизну асфальта, на возможность замены его каким-либо другим материалом. Можно, например, проезжую часть улицы замостить местным камнем, а тротуары сделать, как в небольших городах, — деревянные, дощатые, что для колхоза, имеющего и камень под рукой и свою лесораму, не составляет особо сложной задачи. Мне опять возражали, приводя различные доводы.

Разве не дорого уже то, само по себе, что такой спор мог возникнуть в отдаленном уральском колхозе, что он касался не каких-нибудь неопределенных предположений, а деловой статьи нынешнего плана и что, говоря о материальной стороне дела, эта затея вполне по плечу колхозу.

Невозможно осудить это стремление деревни быть не хуже города. Так же, как нельзя, видя над входом в небольшой еловый и пихтовый лесок, обнесенный деревянною оградкой, надпись «Парк культуры и отдыха колхоза «Первое мая»,— осмеивать простодушную претенциозность этой надписи. Так же, как нельзя недооценивать тот факт, что в колхозе около сорока детей под руководством приезжающей из города учительницы обучаются основам музыкальной грамоты.

Вечером в клубе мы слушали выступление хора самодеятельности под управлением демобилизованного офицера Николая Гавриловича Блаженкова, одного из Блаженковых, составляющих чуть ли не половину жителей Александровского.

Женщины, девушки и девочки—доярки, свинарки, няньки из детских яслей далекого от Москвы колхоза, укрывшегося за невысокой грядой поросших лесом гор Предуралья, люди, никогда не бывавшие в Москве, пели известную песню о ее прекрасных бульварах и мостах, шумных и веселых улицах и, как москвичи, называли ее своей родной, любимой. И пели об Амуре-батюшке, который был далеко, далеко на востоке, и о Днепре, который тоже был далеко на юго-западе, пели с чувством живейшего личного участия во всем, о чем говорили все эти песни великой, необ'ятной в своих пространствах родной страны.

С. ГУДЗЕНКО

ДОРОГА СОЛДАТА

У каждого стихотворения этой книги есть точный адрес: Калининский фронт, Северо-Западный, 2-й Украинский, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Монголия, Маньчжурия. Это не просто отметки о пути следования — это приметы судьбы молодого советского человека, вехи его солдатской дороги, и не трудно по ним прочесть биографию лирического героя, который ушел добровольцем на фронт, воевал в болотах Волхова, освобождал Харьков, форсировал Днестр, стал офицером и прошел по Европе и Азии, был в Праге, Будапеште, Маньчжурии. Юноша стал бывалым человеком и написал книгу о своем фронтовом пути, о пути своего поколения.

Среди стихов о войне есть немало таких, которые уже сейчас непонятны без подробных авторских пояснений.

Есть такие стихи и в первом сборнике Ю. Левитанского («Валдайский март», «Дорога к Днепру»). Они перешли в книгу из армейских газет и часто дороги и понятны только однополчанам.

Лучшее в книге — это маньчжурский цикл и несколько стихотворений о послевоенной Советской Армии. В этих темах молодой поэт чувствует себя самостоятельнее, стихи его убедительны и точны.

В таежный гарнизон, где служат ветераны, приходит «новое пополнение... подросшее поколение». В их боевой учебе оживают традиции гвардейского полка.

Очень хорошо — чисто и взволнованно — написал Ю. Левитанский о бессмертии воина, навечно вписанного в список полка.

Над твоей несмятой постелью —
в самодельной рамке портрет.
Каждый день офицерские жены
для тебя приносят букет...

Интересно задумано стихотворение «Ветеран». В нем рассказано о старом солдате, который на учебном полигоне рассказывает о боях за Берлин.

Он сидит и курит в чистом поле,
Автомат коленями зажав.

...С ним должны считаться поневоле
Дипломаты западных держав.

О послевоенной армии написано еще очень, очень мало. И тем отраднее читать в первой книге молодого поэта стихи на эту нужную и важную тему.

Если в стихах о первых годах войны и в цикле о походе нашей армии в Европу молодой поэт сбивается на интонации своих сверстников или поэтов старших поколений, то в «Маньчжурском походе» он находит себя.

Хороши стихотворения «В городе Фусине» и «Пленный». В них — и гордость советского человека, и освободительная миссия великой армии, и человечность русского солдата.

Когда в штыки вставал гвардейский
полк,
Когда мы шли сквозь непогодь и
вьюгу,—
Мы под огнем протягивали руку
Не тем, кто носит, —
тем, кто делал шелк.
Вот почему повсюду у обочин
Нам машет вслед руками детвора,
И старшина хозяйски озабочен,
И больше каши варят повара.

С чувством собственного достоинства, с веселой усмешкой написаны стихи о пленном самурае, который:

Мне в пояс кланяется низко
В такой изысканной манере,
Как будто я божок буддийский
Иль генерал,
по крайней мере...
Мне даже видеть нет охоты
Восточнейшие эти сласти:
Ведь я простой солдат пехоты
И даже —
не гвардейской части.

Первая книга Юрия Левитанского об'единила стихи шести лет работы. В произведениях молодого поэта много подкупающей искренности, песенного лиризма.

Но нельзя не обратить внимания Юрия Левитанского на те опасности, которые его подстерегают. Нет у него еще достаточной сопротивляемости чужим интонациям. Из-за этого на многих страницах сборника лежит печать подражательности. В дальнейшей своей работе молодой способный поэт должен быть строже к себе и контролировать каждое слово, которое выходит из-под пера.

Юрий Левитанский. «Солдатская дорога». Стихи. Иркутское областное издательство. 1948. 74 стр.

Антология белорусской поэзии на украинском языке

КИЕВ. (Наш корр.). Вышла из печати «Антология белорусской советской поэзии» на украинском языке. В ней представлены произведения Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Танка, Кондрата Крапивы, Петра Глебка и других. Для работы над переводами были привлечены выдающиеся украинские поэты — Павло Тычина, Владимир Сосюра, Леонид Первомайский, Максим Рыльский, Андрей Малышко.

В хорошо оформленной книге, изданной Государственным издательством художественной литературы Украины, даны портреты белорусских литераторов и биографические справки о них.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС В КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ. (Наш корр.). Совет Министров Киргизской ССР об'явил конкурс на лучшие роман и повесть, отображающие расцвет экономики и культуры республики, достигнутый за годы советской власти.

На конкурс могут быть представлены также и переводы на киргизский язык произведений классиков русской, мировой литературы и советских писателей.

Условия конкурса позволяют участвовать в нем всем писателям и гражданам СССР. Произведения принимаются на киргизском и русском языках. Авторам лучших романов, повестей и переводов установлены премии:

Первая премия — 45.000 рублей, две вторых—по 30.000 рублей и три третьих— по 15.000 рублей.

Авторам лучших переводов: первая премия — 30.000 рублей, две вторых — по 20.000 рублей и три третьих — по 10.000 рублей.

Срок представления рукописей повестей и переводов до 1 июля 1949 года, романов — до 1 апреля 1950 года.

Дом-музей И. Чавчавадзе

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). В Тбилиси, в доме № 22 по улице Орджоникидзе, в котором долго жил великий грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе, по решению республиканского Совета Министров организуется музей. Это будет второй по счету Дом-музей И. Чавчавадзе, открытый в Грузии после установления советской власти. Музей на родине писателя, в селении Кварели, в Кахетии, основан свыше десяти лет назад.

НАРОДНЫЕ СТРОЙКИ МОЛДАВИИ

КИШИНЕВ. (Наш корр.). С наступлением весенних дней во многих селениях Молдавии возобновилось строительство больших крестьянских клубов. Сооружение их, об'явленное народной стройкой колхозниками и крестьянами-единоличниками, началось еще в 1946 году.

Более 100 сельских очагов культуры уже построено. Красивые, просторные здания из бутового камня возвышаются среди цветущих садов. В каждом здании — просторный вестибюль, зрительный зал на 350—500 мест и несколько комнат для занятий кружков народной музыки, танца и песни.

В этом году архитекторы несколько изменили типовой проект клубов. Фасад будет оформлен резным камнем, богаче и красивее станет интерьер главного зала. Первые здания по новому проекту крестьяне начали строить в предместье Кишинева.

Сельский концерт

КИЕВ. (Наш корр.). Выездной концерт Государственного симфонического оркестра УССР состоялся на-днях в селе Дымер Киевской области в районном Доме культуры. Концерт, составленный из произведений М. Глинки, П. Чайковского и М. Лысенко, привлек свыше тысячи колхозников четырнадцати близлежащих сел. Дирижировали И. Каперштейн и К. Домингин.

В. ШПАРЛИНСКИЙ

Средний американец

Как журнал „Америка“ обманывает читателя

Издаваемый Информационным бюро США для советских читателей журнал «Америка» официально стремится, если верить его редакторам, показать жизнь и быт американского народа.

На деле, однако, пестро раскрашенные страницы «Америки» заполнены, мягко выражаясь, самым беспардонным вымыслом, не имеющим ничего общего с подлинным положением вещей в США.

В двенадцатом номере журнала редакция задалась целью осветить экономическое положение населения США. Вместо того, чтобы точно и ясно показать, каково же положение основной массы граждан, населяющих Америку, журнал предпочитает «обтекаемые» формулировки, вроде: «в США существует большая разница между степенью обеспеченности отдельных семейств. С одной стороны — небольшая категория неимущих с низким заработком... С другой стороны, процветает небольшая группа богатых людей»...

Такого рода «недомолвки» рассчитаны, видимо, на то, что читатель сделает вывод: если неимущие, как и богатые люди, составляют лишь небольшие группы населения, то, следовательно, основная его часть или те, кого журнал называет «средние американцы», обладают доходом, ставящим их во всяком случае выше категории «неимущих с низким заработком».

Факты полностью опровергают эту неуклюжую попытку скрыть весьма нелегкое экономическое положение отнюдь не «небольшой категории», а основной массы американского населения. Еще в 1929 году бюджет семьи, предусматривающий минимальные расходы, абсолютно необходимые для поддержания здоровья, составлял 2398 долларов в год, а в 1935—36 гг. 1911 долларов. Таков был предел, ниже которого начинается острая нужда и недоедание. Между тем, в том же 1929 г.— 59,4 проц., а в 1935—36 гг.—77,6 проц. американских семейств имели годовой доход ниже 1900 долларов, иначе говоря, испытывали нужду. А 21,4 проц. всех семейств в 1929 году и 39,6 проц. в 1935—36 гг. имели доход, не превышающий даже 1000 долларов[1], то-есть жили в нищете.

Недаром в мае 1941 года первая национальная конференция по вопросам питания следующим образом охарактеризовала положение в стране: «Около трети всего населения США, т. е. 45 миллионов человек живут на «диэте», которая не может считаться достаточной даже с самой умеренной точки зрения. Вследствие низких доходов и больших налогов эти 45 миллионов человек постоянно недоедают. Более 40 проц. американского народа, почти 55 миллионов человек, не получают пищи, достаточной для поддержания здоровья».

В годы второй мировой войны, когда американские монополисты неслыханно наживались на военных заказах, экономическое положение основной части американского населения лишь незначительно улучшилось по сравнению с довоенными годами. В 1942 году 33.360 тысяч американских семейств следующим образом распределялись (в %%) по уровню своего годового дохода[2].

до 1000 долларов	—	20,7
1000—2000 »	—	29,2
2000—5000 »	—	40,6
свыше 5000 »	—	9,5

Следовательно, и в 1942 г. половина американских семейств имела доход, не обеспечивающий минимальных возможностей для нормального существования, а одна пятая часть жила в нищете. По заявлению руководителя отдела экономики сельского хозяйства министерства земледелия США, «даже в январе 1944 года, когда занятость и национальный доход стояли на рекордном уровне, одна четверть гражданского населения США недоедала».

С тех пор положение основной части населения США резко ухудшилось. Этому способствовали в первую очередь бешеный рост цен, начавшийся немедленно после отмены контроля, и быстрое увеличение безработицы. Ведь даже по официальным, явно преуменьшенным данным, стоимость жизни с 1942 года по ноябрь 1947 года выросла на 41,5 проц., а по сравнению с 1935—36 гг. даже на 67,2 проц.[3]. Что касается средней недельной заработной платы в промышленности, то она выросла только на 32,1 проц., т. е. почти на четверть меньше, чем стоимость жизни.

Таким образом, когда журнал «Америка» старается уверить читателей в том, что люди с низким заработком составляют в США лишь «небольшую категорию» населения, он заведомо пытается их дезинформировать.

Как изображает журнал «Америка» положение с послевоенной безработицей в США?

«Предсказания о безработице не оправдались, — читаем мы в № 15 журнала.—Число работающих не только не снизилось, но даже достигло рекордного уровня». Такое утверждение также является грубым искажением фактов, ибо оно не имеет ничего общего с действительностью.

В противоположность официальным данным, сфабрикованным с помощью искусственного уменьшения количества наличной рабочей силы в стране, журнал «Экономик нотс» (орган рабочей исследовательской ассоциации США) определил на январь 1947 года число безработных в 7 миллионов 250 тыс. человек. А это почти в три раза больше официальных данных.

Много места уделяет на своих страницах журнал «Америка» вопросам быта. Все эти материалы, составленные в сугубо рекламных тонах и снабженные множеством фотографий, должны, по мнению редакции, дать советскому читателю представление о домашнем быте американского народа. Но и в этом отношении журнал совершает свой обычный трюк и пытается представить быт весьма обеспеченной части американского населения как быт всех без исключения «рядовых американских семей».

Можно ли, скажем, считать семью рабочего Уайлиса, описанную в № 12, типичной для широких масс трудящихся в США? Разумеется, нет. Наиболее типичная семья американского рабочего состоит из четырех человек: мужа, жены и двух детей. Из них работает, как правило, только один. А в семье Уайлисов, которую избрал для описания журнал, из 7 человек работают четверо. Конечно, экономическое положение такой семьи должно быть несравненно выше положения обычной американской трудовой семьи. Сам Уайлис — квалифицированный рабочий, тогда как квалифицированные рабочие составляют небольшую долю рабочего класса США. То же можно сказать и о семье рабочего автомобильного завода Билли Нейшна, описанной в № 11 журнала. Билли Нейшн получал 59 долларов в неделю. А это значительно превышало средний уровень заработной платы индустриального рабочего, составляющей в сентябре 1946 года 45,1 доллара в неделю[4].

В описании быта небольшой группы рабочей аристократии, ни в какой мере не представляющей весь рабочий класс США в целом, журнал также допускает несомненные преувеличения.

Так называемый «комитет Хеллера» при Калифорнийском университете систематически публикует данные о бюджете семьи квалифицированного рабочего, состоящей из четырех человек, наличие которого обеспечивает прожиточный минимум для сохранения «здоровья и приличия». По данным этого комитета, в 1946 году такой бюджет составлял 68 долларов в неделю (при круглогодовой занятости). Такой заработок имела лишь небольшая часть американских рабочих, поскольку средний недельный заработок во всех отраслях американской промышленности был на 20 проц. ниже указанной суммы.

Но даже бюджет семьи высококвалифицированного рабочего разрешал приобретать: для мужа пальто раз в шесть-семь лет и костюм раз в три года, а для жены пальто раз в четыре года; этот бюджет позволял на семью в четыре человека покупать еженедельно один фунт масла и один фунт маргарина, четверть фунта бекона. Если такова степень обеспеченности высокооплачиваемой верхушки рабочего класса в стране, совершенно не испытавшей страшных разрушений и бедствий войны, то как же живет основная часть рабочего класса Америки?

Следует также иметь в виду, что все эти и приводимые ниже данные относятся к периоду до отмены контроля над ценами. После отмены этого контроля уровень потребления трудящихся в США значительно снизился.

Согласно данным обследования, произведенного Конгрессом производственных профсоюзов в августе 1946 года, рабочие вынуждены были, даже еще до отмены контроля над ценами и последовавшего вслед за этим бешеного роста цен, резко снизить потребление продовольствия и покупку одежды. 88,9 проц. обследованных рабочих семейств сократили потребление масла и маргарина; 83,9 проц. семейств сообщили о значительном уменьшении расходов на одежду из-за высоких цен. А ведь с тех пор цены и на продовольствие, и на одежду выросли еще больше, в три-четыре раза.

Все это весьма непохоже на те радужные картинки «изобилия» и «благоденствия», какие без устали рисует на своих страницах журнал «Америка». В качестве одного из наиболее «неотразимых» показателей этого «изобилия» журнал неизменно ссылается на якобы весьма широкое распространение стиральной машины в США. Но даже буржуазный экономист Стюарт Чейз иронически писал по этому поводу: «Если в доме есть электрическая машина для стирки белья, то это еще не значит, что там благоденствуют. Это значит только, что местный продавец электрических машин для стирки белья — умелый человек».

Для характеристики подлинного быта основной массы американских рабочих значительно более показательно описание условий их жизни в углепромышленных районах, помещенное в июне 1947 года в журнале министерства труда США «Лэйбор информейшен бюллетин». В результате обследования 240 шахт в 22 штатах, играющих основную роль в производстве угля, было установлено, что санитарные условия и состояние здравоохранения более чем в половине горнопромышленных округов США гораздо хуже установленного минимального уровня, а в некоторых районах даже «являются позором для нации». Наихудшие условия существуют в поселках («лагерях»), принадлежащих угольным компаниям. В журнале приведены также фотографии. На одной из них изображена женщина, набирающая воду из ручья; подпись гласит «Источником снабжения водой является грязный ручей». Интересно знать, почему редакция журнала «Америка» не поместила этой фотографии в том самом номере, где она описывает быт «заурядных американских семей»?

О том, как складывается быт интеллигенции в Соединенных Штатах, убедительно рассказывает журнал «Экономик Аутлук». В качестве примера журнал приводит бюджет ассистента лаборатории Иллинойского университета в Чикаго Джона Файрека, получающего 110 долларов в месяц. Заработок Файрека на 15 проц. выше среднего годового заработка учителей в США. Тем не менее семья Файрека, состоящая из 4 человек (сам Файрек, жена и двое детей—17 и 7 лет), вообще лишена возможности производить расходы на медицинскую помощь, на покупку книг и школьных принадлежностей, на отпуск и т. п. Бюджет этот может быть в полном смысле слова признан полуголодным, поскольку на питание тратится в день на человека не более 50 центов. На одежду вся семья расходует только 2 доллара в месяц, столько же, сколько на церковь, и в 11 раз меньше, чем на квартиру и коммунальные услуги. В последнее время радиоврали из «Голоса Америки» усиленно упражнялись в подсчитывании того «баснословно короткого» времени, какое якобы нужно затратить работающему американцу, чтобы заработать себе деньги на покупку костюма. Не пробовала ли редакция «Америки» подсчитать, сколько лет потребуется ассистенту Иллинойского университета, чтобы при возможности расходовать на одежду 2 доллара в месяц на всю семью, купить себе самый обычный костюм, стоящий 60—70 долларов? И сколько лет непрерывного труда понадобится этому представителю американской интеллигенции, чтобы одеть всю семью в соответствии с минимальными требованиями «здоровья и приличия»?

Столь же неправдоподобно выглядит помещенное в № 12 журнала описание жизни двух девушек — конторских служащих, обладающих — по утверждению редакции — уютной квартирой в хорошем районе Чикаго и большим количеством платьев. Если положение широких слоев трудящихся в США сейчас очень нелегкое, то наиболее тяжело живется женщине— работнице и служащей. Упоминавшийся выше «Лэйбор информейшен бюллетин» по этому поводу пишет: «Уже по традиции заработная плата женщин низка не потому, что они неквалифицированные работники, а потому, что они женщины. Во многих случаях женщины на квалифицированной работе получают меньше, чем мужчины на неквалифицированной». В крупнейших отраслях промышленности, в том числе и в тех, где женский труд преобладает (текстильная и швейная), зарплата женщин, работающих в цехах, составляет от 45 до 65 процентов зарплаты мужчин. А заработная плата женщин — конторских служащих еще ниже. Откуда же взялись эти благоденствующие девушки, которых с таким восторгом описывает журнал «Америка»?

Впрочем, сам журнал проговаривается на этот счет. По его словам, одна из девушек для получения дополнительного заработка позирует для рекламных изданий. Не эти ли рекламные снимки журнал и пытается представить в качестве иллюстраций к подлинному быту американских девушек-служащих?

Чего стоят после этого уверения редакции в том, что она «честно и правдиво» изобразила на снимках быт трех «заурядных американских семей»? Видимо, речь идет о той самой «честности и правдивости», которая основана на известном «принципе»: не обманешь—не продашь!

[1] Review of Economic Statistics. November, 1940. p. 160.

[2] Labor Fact Book. VII. p. 125.

[3] Federal Reserve Bulletin. January 1948. p. 99.

[4] Economic Outlook, November. 1946.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Обсуждение четвертого номера журнала „Знамя“

На очередном заседании комиссии по теории литературы и критике был обсужден четвертый номер журнала «Знамя». Доклад сделала Е. Книпович, в прениях приняли участие Е. Ковальчик, З. Кедрина, С. Бабенышева, М. Кузнецов, А. Лацис, И. Гринберг, Б. Закс.

В центре обсуждения была новая повесть А. Гончара «Земля гудит». В основу своего произведения молодой украинский писатель положил волнующий жизненный материал. Как отмечали выступавшие, в его книге немало талантливо написанных, искренних страниц, ярких эпизодов. Особенно удачно нарисована девушка Веснянка. Однако в повести нет живых, убедительных образов партийных руководителей. Бледно и схематично изображена главная героиня произведения Ляля Убийвовк. Выступавшие выразили пожелание, чтобы А. Гончар еще поработал над повестью при издании ее отдельной книгой.

Много упреков выслушали представители «Знамени» по адресу отдела критики и публицистики в четвертом номере журнала. В этом отделе не чувствуется боевого, наступательного духа. Мало нового дает статья А. Колоскова «Маяковский в революции». К 125-летней годовщине со дня рождения А. Н. Островского журнал не напечатал ни одной статьи, отделавшись библиографической справкой. Мало интересен очерк Ю. Нагибина «Люди вдохновенного труда». Положительную оценку получили материалы на международные темы — публикация отрывков из статей и памфлетов Марка Твэна об американском империализме и очерк В. Каминского — «Парни из Чикаго».

Комиссия по теории литературы и критике обсудила также план готовящегося к печати сборника, в который должны войти лучшие критические статьи, опубликованные в журналах за 1947 год.

В заключение заседания состоялось выдвижение книг на соискание премии имени В. Г. Белинского, установленной президиумом Академии наук СССР за лучшие научные работы в области советской литературной критики и за труды о жизни и деятельности Белинского.

25 лет журнала «Огонек»

Читатели «Огонька» — деятели науки и культуры, стахановцы и инженеры, офицеры и литераторы, художники и артисты— собрались 26 апреля в Колонный зал Дома союзов на вечер, посвященный 25-летнему юбилею журнала.

Подробный отчет о работе журнала «Огонек» за 25 лет сделал главный его редактор тов. А. Сурков. Он говорил о творческом пути журнала, о постоянном внимании к нему со стороны партии и правительства, о задачах, стоящих перед редакционным коллективом.

С пожеланием творческих успехов журналу «Огонек» выступили писатели, художники, стахановцы и представители Вооруженных Сил Советского Союза.

С большим под'емом участники конференции приняли приветственное письмо великому вождю народов товарищу Сталину.

ПРИЕЗД В МОСКВУ ЮЛИАНА ТУВИМА

Вчера в Москву по приглашению Союза советских писателей прибыл известный польский поэт Юлиан Тувим с супругой. На Белорусском вокзале поэта встречали советские писатели Л. Леонов, И. Эренбург, С. Михалков, А. Лейтес, Г. Владыкин, М. Аплетин, М. Живов.

Электрическая дорога в библиотеке

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина построена подвесная электрическая дорога. В сочетании с конвейером, сооруженным год назад, подвесная дорога разрешила проблему транспортировки книг, столь важную для библиотеки с книжным фондом в 11 миллионов экземпляров, где читателям ежедневно доставляется до 18 тысяч томов.

Ни в одном из книгохранилищ мира нет подобной дороги.

Дорога имеет вид металлической трубы прямоугольного сечения со срезанной верхней плоскостью. В трубе уложены рельсы, по которым движется миниатюрный поезд из двух вагончиков с электровозом.

Поезд может перевозить одновременно до 100 килограммов книг. Скорость движения — 15 километров в час. Протяженность пути — 400 метров.

Сейчас управление поездами производится со специального пульта, но в ближайшее время, когда вступит в строй еще один состав, управление движением будет полностью автоматизировано. В пяти пунктах поезда будут останавливаться на одну минуту, что вполне достаточно для их разгрузки. Специальная автострелка исключает возможность столкновения составов.

Дорога значительно облегчила и ускорила транспортировку книг. Если раньше для доставки заказов в зал требовалось 15 минут, то теперь — менее двух минут.

По следам выступлений «Литературной газеты»

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПОДАРОК

В письме работниц Ново-Лялинского бумажного комбината тт. Быковой, Соколовой и Лаптевой («Литературная газета» № 26) сообщалось о том, что Подольский механический завод им. Калинина не принимает заказа на изготовление игл, необходимых для производства бумажных мешков.

В ответ на это письмо главный инженер завода тов. Н. Борисов сообщил о том, что «иглы запущены в производство и будут выпущены во второй декаде мая 1948 года».

Рабочие краснознаменного игольного цеха внесли свою поправку к этому ответу.

Номер «Литературной газеты» с письмом об иголке попал в игольный цех завода. Газету передавали с одного участка на другой. Письмо ново-лялинских работниц читали коллективно в обеденный перерыв Начальник цеха тов. Н. Флинк созвал совещание мастеров.

— Два министерства, — сказал он, — переписывались из-за иголки несколько лет. Сейчас с Урала прислан один комплект станков. Но пока закончится монтаж, пройдет еще немало времени. А на Сегежском комбинате цех бумажных мешков из-за отсутствия иголки уже приостановил работы.

Всех взволновало сообщение начальника цеха.

Мастер-наладчик В. Михальцев взял в руки иглу № 25. Она была в 3—4 раза больше обычной. Две продольные фазки по бокам и четырехсторонняя ромбообразная заточка острия резко отличали ее от всех многочисленных игл, которые изготовляет цех.

Выполнить просьбу бумажников раньше, чем закончится монтаж прибывшего с Урала оборудования, можно было только после конструктивных изменений имеющихся станков.

— Ну как, сделаем? — спросил начальник цеха.

— Сделаем,—ответили мастера.

Техник П. Войцекян, мастера-наладчики А. Самсонов и В Михальцев приспособили станки для нового типа игл. Трое суток они не выходили из цеха, пока не изготовили первую иголку. За их работой следил весь коллектив.

Первая партия игл в количестве 2.500 штук была изготовлена и срочно отправлена на самолете Ново-Лялинскому и Сегежскому бумажным комбинатам, как первомайский подарок от рабочих Подольского механического завода им. Калинина.

Начальник цеха тов. Н. Флинк сообщил представителю «Литературной газеты», что теперь задание по игле № 25 на второй квартал будет выполнено к 20 мая, а годовая программа—в начале третьего квартала.

Так рабочие игольного цеха отозвались делом на письмо с Ново-Лялинского бумажного комбината.

ПОПРАВКА

В № 32 «Литературной газеты» в статье Б. Соловьева «Молодые голоса» автором рассказа «Книжки-задачники» ошибочно назван ленинградский писатель С. Антонов. В действительности рассказ этот принадлежит его однофамильцу С. Антонову, москвичу.

Ирина ГОЛОВНЯ

Поэзия опустошенных людей

Профашиствующий католик, мистик и эстет Т. С. Элиот — признанный глава современной декадентской поэзии Англии. Американец по происхождению, француз по воспитанию, англичанин по подданству и монархист по убеждениям, Т. С. Элиот — фигура космополитическая, об'единяющая черты американского и западноевропейского декаданса.

Восхищаясь мистическим откровением его поэзии, упиваясь символикой распада и смерти, почитатели Элиота провозгласили его ведущим поэтом эпохи, «вождем и учителем молодого поколения поэтов». Элиот действительно оказал большое влияние на поэзию и прозу Англии последней четверти века. Тема «опустошенной земли» и «полых людей» в бесконечных вариантах перепевалась английской буржуазной литературой, она нашла отклик в творчестве Р. Олдингтона, Л. Мак-Ниса, Э. Ситуэлл и целого ряда других поэтов и прозаиков. Под прямым влиянием Элиота складывалась декадентская группа «Новый апокалипсис», возглавляемая Генри Трисом, Ридом и Хэндри.

Среди поклонников Элиота есть и такие, которые с реверансами и оговорками поджентльменски «критикуют» Элиота, говоря, что его творчество не по плечу среднему человеку, а по существу превозносят его. Надуманность его стиха они об'ясняют «философской глубиной мысли», словесное жонглерство — «блеском гениальности», формалистические выверты — новаторством, аристократический снобизм— об'ективностью космополита.

В переводе же на общедоступный язык «об'ективность» космополита означает лишь холодную ненависть к простому народу, страх перед демократическими преобразованиями. Именно это определило характер поэзии Элиота, ее реакционную сущность, ее эстетствующий формализм.

«Поэт не должен стремиться к тому, чтобы быть понятным» — таков основной тезис Элиота. «Поэзия,—писал он,— не выражение эмоций, а бегство от эмоций, не выражение личности, а бегство от личности». Элиот ратует за «безличную поэзию», из которой изгнаны все чувства и существует только форма.

Он об'являет жизнь бесцельным топтанием на месте «в мире без прошлого и будущего». Поэзия Элиота сеет нигилизм и неверие, деморализует и растлевает души читателей.

В своих ранних поэмах «Пруфрок», «Мелодии» и других Элиот выступает как прилежный ученик мастеров европейского и американского декаданса — Эзры Паунда, Джойса, Валери. Лирический герой «Пруфрока» предстает перед нами как человек с опустошенной душой, «измерявший жизнь кофейными ложечками». Вся поэма проникнута растерянностью, пессимизмом. «Негодный мир в кулаке не сожмешь», — восклицает поэт. В этом мире человеку остается лишь один удел — «поститься и плакать».

Если Пруфрок олицетворяет духовную немощь, то другой образ ранних поэм Элиота и более поздней его мелодрамы «Отрывок из действия» — Суини—представляет собой отвратительную пошлую пародию на человека. Суини вульгарен и похотлив. Вся его жизненная философия сводится к удовлетворению физических потребностей. Одной из своих любовниц, проститутке Дорис, он предлагает отправиться на остров Каннибалов, чтобы там свободно предаваться любовным утехам, наслаждаться жизнью на небольшом клочке земли, где нет ни «телефонов, ни граммофонов, ни автомобилей, где существуют только три вещи: рождение, плотская радость и смерть».

Весь цикл о Суини («Суини среди соловьев», «Суини бодр», «Суини атлет») груб и натуралистичен; это смесь порнографии, дешевого оригинальничания и пошлости. Пруфрок и Суини — две стороны одного и того же явления. Праздные, внутренне опустошенные снобы, предающиеся беспредметным рефлексиям, как и люди, живущие по этике каннибалов,— образы весьма типичные для декадентской литературы.

Невозможно установить какую-либо связь между персонажами поэм Элиота. Они появляются из пустоты и уходят в пустоту, равнодушные к себе, к окружающему и друг к другу. Все они влачат пустую, никчемную жизнь. Это «мелкие соринки в потоке ассоциаций», несущие с собой «обрывки молитв и сокровенных истин».

«Бесплодная земля» — «программное» произведение Элиота, поэма распада, отчаяния и ужаса, страшный декадентский миф о современном мире. Долгое время она была предметом культа для декадентов всех мастей и оттенков, которые ломали себе голову над ее ребусной символикой. Элиот обращался к избранным и немногим, но даже для восприятия «избранных», воспитанных на образцах Пруста и Джойса, его поэма показалась слишком трудной.

Ее лейтмотив таков: мир — бесплодная земля, на которой вымирает все живое. Это типичная декадентская картина гибели мира. Элиот изображает распад буржуазной культуры, как крах человечества вообще, не переставая твердить о «конце света».

Логическим дополнением и эпилогом к «Бесплодной земле» является стихотворение Элиота «Полые люди». Смысл его таков: бесплодную землю — мир населяют полые люди, духовные импотенты, лишенные всякого жизненного импульса. Полые люди — это люди того класса, к которому принадлежит Элиот. О них и о себе он сказал следующее:

Мы полые люди,
Трухой набитые люди,
Мы жмемся друг к другу,
Наш череп соломой хрустит.
И полою грудью
Мы шепчем друг другу,
И шопот без смысла шуршит.

Комментарии, как говорится, излишни. Заканчивается стихотворение описанием пляски мертвецов, которые кружатся вокруг кактуса (символа сухости и смерти), растущего на мертвой земле:

Вот как кончается свет,
Вот как кончается свет,
Вот как кончается свет,
Только не взрывом, а взвизгами.

В религии, в «авторитарном принципе» Элиот ищет спасения для «полых людей» и «полой цивилизации». Американский пуританин становится ревностным католиком, уроженец республики превращается в приверженца принципов феодальной монархии.

Элиот мечтает о слиянии религиозных и поэтических форм. Церковную мессу он считает образцом драматического действия, предлагает ввести религиозный элемент в светскую драму, хочет вернуть драму под своды церкви, которые она оставила еще в XIV веке. Он пишет три пьесы, но даже самые восторженные поклонники Элиота признают их слабыми.

Что же представляют собой эти «удачные» опыты? «Скала», например, это голая агитка во славу англо-католической церкви. Вчерашний эстет, жрец «чистого искусства», становится активным проповедником церковной идеологии, используя любые демагогические приемы для того, чтобы отравить сознание народа.

В пьесе Элиота рабочие жалуются на безработицу, вместо храма они требуют дома для жилья, но грозный голос хора заставляет их умолкнуть, вещая — «там, где нет храма божьего, там человеку не построить дома».

Направленность пьесы ясна. Это политическое выступление «аполитичного» поэта, откровенное выражение его ультрареакционных, антинародных взглядов.

Насквозь фальшива, риторична и высокопарна другая пьеса Элиота «Убийство в соборе», написанная им на средневековый религиозный сюжет о мученике Фоме Бекете. Она представляет безвкусную смесь элементов античной трагедии, средневекового «миракля» и декадентской философии, которая и составляет ее основу.

Третья пьеса Элиота — «Воссоединение семьи» вновь поднимает тему «полых людей», которая переплетается здесь с религиозными мотивами первородного греха и его искупления. Действующие лица пьесы — разочарованные аристократы, утратившие всякий вкус к жизни, люди, которые «прожили жизнь во сне», «никогда не пробуждаясь». Они не знают, куда себя деть, брюзжат и хнычут, беспредметно философствуют о времени прошедшем и времени будущем.

«Четыре квартета» — последнее большое произведение Элиота. Это квинтэссенция той идеалистической абракадабры, которую он так рьяно проповедует.

Поэме предшествует изречение Гераклита: «Все течет, все изменяется». Оно понадобилось Элиоту для того, чтобы подвести философский фундамент под религиозное учение о бессмертии души, обосновать свой нигилистический релятивизм («все течет...») и еще раз поплакать над призрачностью и бесплодностью всего существующего.

«Четыре квартета» представляют большой монолог автора, его беседу с собственной душой. И здесь Элиот остался верен себе, он всегда разговаривал только с самим собой, глухой ко всем голосам жизни. Элиот отрицает все духовные ценности. Знания нет, ибо «знание, основанное на опыте, ограничено». «Единственное знание, доступное человеку, — знание тайн умерших». Борьба бесцельна, ибо любая цель призрачна и недостижима, ведь она меняется каждую минуту («все течет!»). Он оставляет человеку единственную мудрость — мудрость унижения и смирения, единственную форму активности — ожидание «без надежды и без мысли».

«Четыре квартета» — это мрачная погребальная музыка в общем хоре духов и призраков буржуазной литературы. Элиот вторит голосам Мальро, Андре Жида, Сартра и Сантаяны, этих «полых людей», погрязших в омуте предательства и реакции.

Поэзия Элиота соединила в себе черты, наиболее характерные для западного литературного декаданса. Это наглядное свидетельство полного банкротства буржуазной культуры. Жалкое, эгоцентрическое копание в собственном ничтожном «я», брезгливое отвращение к действительности, неудержимая ненависть к народу — все это результат панического ужаса людей, подобных Элиоту, перед прогрессом демократических идей. Судорожно цепляются они за любую, пусть призрачную, возможность поддержать разваливающееся здание капитализма. Только в этом видят они спасение для себя, для своих мелких корыстных интересов.

Декадентская поэзия Элиота — выражение духовного недуга «полых людей», людей без будущего и настоящего, пустое эхо пустых мыслей.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37 34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60 02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01723.